
DOI: 10.15826/qr.2015.1.090

УДК 94(470.5) (0.062) + 316.343-058.14

Людмила Дашкевич
Марина Ларионова
Евгений Неклюдов
Ирина Шалина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ИМЕНИЯ: ДНЕВНИК СЛУГИ УРАЛЬСКИХ
ПОМЕЩИКОВ ГОЛУБЦОВЫХ**

**Lyudmila Dashkevich
Marina Larionova
Yevgeny Neklyudov
Irina Shalina**

**EVERYDAY LIFE OF A PROVINCIAL ESTATE:
A DIARY OF A SERVANT OF THE URAL
LANDOWNERS GOLUBTSOV**

Marina Larionova, a specialist in the history of Russia, a candidate of historical sciences, presents her *Everyday Life of a Provincial Estate* (Yekaterinburg, 2013). The book was written with reference to a rare historical source, a diary of a servant of the Ural Landowners Golubtsov that is kept in the State Archive of Sverdlovsk Region (GASO, f. 67, op. 1, d. 69). The diary is anonymous, and the authorship was established as a result of an inquiry into its origin; Matvey Andreev, a descendant of a family of serfs was finally given credit as the author, and, according to the diary, he was a petty bourgeois of Kungur, an *uyezd* town, by the time the diary was started. For 3 years and 5 months (1872–1875), he wrote an account of daily life in the estate and in the manor house located in Aleksandrovskoye Settlement of Vladimir Platonovich Golubtsov, a Perm landowner. The diary describes the everyday life of a Ural petty manorial estate located in Krasnoufimsk Uyezd, Perm Governorate, the day-to-day routine of the owner and the dwellers of the manor, the relationships between them and the ones characteristic of the life of an *uyezd* community, the emotional experience of the people mentioned in the diary, and other details shedding light on the previously unknown events in the history of the Urals. In her talk with Lyudmila Dashkevich and Yevgeny Neklyudov, professors of history, research fellows of the Institute for History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), and with Irina Shalina, professor of philology, the author discusses the academic significance and informational potential of the source in question.

The comparison drawn of the document with some previously known similar sources gives evidence proving its uniqueness conditioned by its comprehensive character, the author's viewpoint and the quality of the publication. Thus, it does not only comply with the text and has few editorial corrections, it also contains a variety of academic historical, cultural and biographic commentaries. The diary both describes the problems a 19th-century manor could face on a daily basis and dwells on some general issues connected with the relationships between social classes, the historical psychology of servants, the perseverance of serf consciousness after the abolition of serfdom, the patriarchal character of life, and the modernization of the region's economy.

Keywords: everyday life; landowners; Ural manors; nobility; Perm Governorate; the Golubtsovs.

Специалист по истории России, кандидат исторических наук Марина Ларионова представляет книгу «Повседневная жизнь провинциального имения...» (Екатеринбург, 2013). В основе издания лежит публикация редкого для России исторического источника – дневника слуги уральских помещиков Голубцовых, который хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО, ф. 67, оп. 1, д. 69). Дневник анонимный, его автор был установлен в результате проведенных научных изысканий. Им оказался Матвей Андреев, происходивший из семьи крепостных, к моменту начала сохранившихся дневниковых записей – мещанин уездного города Кунгура. На протяжении 3 лет и 5 месяцев (1872–1875) он ежедневно вносил в дневник записи о том, что происходило в имении и усадьбе, расположенной при селе Александровском пермского помещика Владимира Платоновича Голубцова (1832–1887).

Перед читателями дневниковых записей раскрывается повседневная жизнь уральского среднепоместного дворянского имения, располагавшегося в Красноуфимском уезде Пермской губернии, показываются каждодневные заботы владельца и жителей имения, особенности их взаимоотношений и взаимотношений, характерных для представителей уездного общества, личные переживания героев, попавших на страницы дневника, а также многие другие подробности, позволяющие исследовать ранее неизвестные детали истории Уральского региона. В беседе с Людмилой Дашкевич и Евгением Неклюдовым, докторами исторических наук, научными сотрудниками Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, и Ириной Шалиной, доктором филологических наук, обсуждается научная значимость и информационный потенциал данного исторического источника. Сопоставление этого документа с подобными источниками, введенными ранее в научный оборот, показывает его уникальность, обусловленную степенью подробности, позицией автора и качеством издания. Участниками обсуждения особенно отмечено высокое научное качество издания: помимо корректной передачи текста с минимумом редакционного вмешательства, издание отличается разнообразными научными комментариями историко-культурологического и биографического свойства. Содержание дневника выявляет не только проблемы, связанные с быто-

вой жизнью имения последней трети XIX в., но и более общие вопросы, относящиеся к взаимоотношениям различных сословий, исторической психологии дворовых людей, сохранению крепостнического сознания после отмены крепостного права, патриархальности и экономической модернизации в экономике региона.

Ключевые слова: повседневная жизнь, помещики, уральские имения, дворянство, Пермская губерния, Голубцовы.

Марина Ларионова: В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в личном фонде уральских помещиков Голубцовых хранится дневник слуги уральских помещиков Голубцовых, 1872–1875 гг. (далее – Дневник) [ГАСО, ф. 67, оп. 1, д. 69]. Впервые я обратилась к данному историческому источнику двадцать лет назад, еще будучи студенткой исторического факультета Уральского государственного университета (ныне Уральский федеральный университет). Исследование темы «Быт дворян на Урале» потребовало обращения к архивным источникам, и в сфере внимания оказался интересный родовой архив документов помещиков Голубцовых из Красноуфимского района Свердловской области [ГАСО, ф. 67].

Дворянский род Голубцовых известен всем, кто занимается изучением Уральского региона. На протяжении почти ста сорока лет представители шести поколений данного рода владели пермским имением, поддерживая культурные и социальные связи российской столицы и уральской провинции. Основано имение было в 1780 г. пермским воеводой, действительным статским советником Александром Федоровичем Голубцовым (1735–1796) на землях, принадлежащих башкирам. Они заметно отличались от немногочисленных уральских помещиков, владевших в основном горнозаводской недвижимостью. Отдельные представители этого рода играли значимую роль в управлении Пермского края и в деятельности земских органов самоуправления, а также в общественной и культурной жизни региона. Красноуфимское имение Голубцовых по укладу напоминало «классическое» имение, характерное для центральных губерний Российской империи и нетипичное для Среднего Урала. Их усадьба при селе Александровском по праву считается культурным центром провинции, благодаря немалой роли упоминаемого на страницах Дневника Владимира Платоновича Голубцова, почетного мирового судьи Красноуфимского уезда Пермской губернии, бессменного земского деятеля, председателя Красноуфимского уездного земского собрания, и его старшего сына – самого известного представителя этого рода, краеведа, исследователя генеалогии российского дворянства Владимира Владимировича Голубцова (1856–1892), о котором много информации представлено на страницах Дневника. В усадьбе размещалось самое крупное в Пермской губернии библиофильское книжное собрание [Пирогова], хранились коллекции редких рукописей, автографов знаменитых людей, картин, древних вещей [Романчук], старинных монет, был создан минералогический кабинет и пр.

Особенности хозяйства Голубцовых стали темой моей дипломной работы, а дворянским усадьбам Пермской губернии была посвящена кандидатская диссертация [Ларионова]. В обеих работах были использованы материалы Дневника, но в виде сравнительно небольших цитат из источника. В такой же форме выборки фактов и цитат Дневник использовался некоторыми историками. Так, главный хранитель ГАСО Г. И. Плещева в статье, опубликованной в журнале «Родина», попыталась реконструировать повседневную жизнь провинциального помещичьего имения, используя отдельные фрагменты Дневника [Плещева], а сотрудник Института истории и археологии УрО РАН О. Е. Артемова опубликовала небольшой отрывок из Дневника, охватывающий события с 13 августа по 18 сентября 1875 г. [Артемова]. Задача раскрыть весь информационный потенциал данного исторического источника решалась только единственной возможностью – подготовить текст рукописи Дневника к публикации в соответствии со всеми предъявляемыми к этому требованиям.

Дневник представляет собой исписанные с обеих сторон 175 листов формата 350×225 мм, переплетенные в типичный для того времени твердый переплет: картонные из мраморной бумаги крышки с кожаным корешком. Записи выполнены на нелинованной бумаге. Сохранность Дневника сегодня оставляет желать лучшего: часть корешка утрачена, сама бумага пожелтела от времени, блок распадается. Записи вносились каждый день в течение трех лет и пяти месяцев, единственный период, за который отсутствуют записи, – со 2 по 13 июля 1874 г. Причем по каким-то причинам это было сделано намеренно, пропуск выпадает на середину страницы, что исключает их изъятие.

Данный исторический источник действительно редкий и ценный не только для Уральского региона, но и для России в целом. Редкий в силу того, что подобного рода документы, когда крестьяне, по сути, пишут не о себе, а о помещиках, которые ими когда-то владели, пока не выявлены (возможно, они не сохранились и исчезли вместе с усадебными архивами) и этот источник впервые полностью вводится в научный оборот; редкий также и в силу того, что он обладает высоким информационным потенциалом: его автор на протяжении нескольких лет каждый день на бумаге фиксировал события, происходившие в усадьбе и имении уральских помещиков Голубцовых: во сколько барин и члены его семейства вставали, когда пили чай, во сколько обедали и ужинали, куда ездили, кто к ним приезжал, как долго находились в усадьбе, как проводили время, чем занимались в течение дня и т. п. Все это ценно для исследования микроисторических процессов, т. е. для детальной реконструкции того, что составляло основу ежедневного существования типичного представителя провинциальных помещиков средней руки. Иными словами, с помощью данного исторического источника мы можем исследовать повседневную жизнь провинциального среднепоместного имения и его владельцев.

Людмила Дашкевич: Во введении к публикации текста Дневника Матвея Андреева указывается важность этого источника в изучении повседневной жизни уральского среднепоместного имения. Это вполне справедливо. В Дневнике показаны самые разные события, связанные с жизнью имения и его хозяев, их взаимоотношения с представителями власти, крестьянами, работниками стекольного завода. Мне, после того как я познакомилась с текстом документа, показалось, что Дневник можно использовать и несколько иначе, анализируя социальную психологию его автора. В 2004 г. появилась монография пермского историка Н. В. Голохвастовой [Голохвастова], в которой дается психологический портрет служащих горнозаводской вотчины Строгановых. Автор делает вывод о том, что в основе психологии этой категории людей лежит патерналистски-филиалистский принцип. Они относились к службе как к способу достижения материальных благ, с одной стороны, и как к долгу перед владельцем, давшим образование, – с другой. Была, впрочем, среди служащих и значительная часть, у которой эти представления сочетались с мотивами служения обществу и Отечеству.

Видите ли Вы различия в обыденном сознании служащих горнозаводской и помещичьей вотчины? Насколько значительными были те функции, которые Матвей Андреев выполнял у Голубцовых?

Марина Ларионова: Думаю, что данный принцип, патерналистски-филиалистский, был характерен для большей категории служащих, к которой мы можем отнести и автора данного исторического источника. Это связано с психологией крепостного человека: у дворовых и служащих горнозаводских вотчин было много общего, связанного с зависимостью от помещика в разные периоды жизни: в детские годы они, как внушалось, благодаря помещику получали образование, подготовку к взрослым, трудовым будням, а в будущем могли претендовать на хорошее место в системе управления – будь то горнозаводская вотчина или помещичье имение. Мало того, по сложившемуся убеждению, именно помещик обеспечивал крепостному стабильную и безбедную жизнь, отсюда то раболепное почитание, которое крепостные испытывали к своему помещику.

Дневник начал писаться через 11 лет после отмены крепостного права, это очень незначительный промежуток времени для изменения ментальных установок, формировавшихся столетиями. Причем преданность «своему» барину у Матвея Андреева была доведена до предела, и семья Голубцовых стала ему ближе его собственной семьи, о которой он лишь упоминает – и то вскользь. Нет в дневнике и хоть каких-либо рассуждений или изложения фактов российских событий в оценке автора Дневника. Мотивы служения обществу и Отечеству были свойственны дворянскому сословию, но для бывших крепостных в тот период это было нехарактерно, и эти установки не успели сформироваться из-за октябрьских

событий 1917 г., когда были перевернуты все ценностные ориентиры российского общества.

Сохранившиеся архивные документы позволили установить, что Матвей Андреев родился около 1840 г. и к моменту написания Дневника ему было немногим за тридцать. Его отец, дворовый Евстигней Петрович Андреев (ок. 1796 – п. 1854), служил в имении лекарем (его жалованье составляло 24 руб. в год). Евстигней Андреев женат был дважды. От первого брака у него росли две дочери – Афанасия и Анна. Вторая жена, Татьяна Яковлевна (ок. 1820–1875), кроме Матвея, родила дочерей Евдокию и Наталью и сына Ивана. По воле помещика с 1 сентября 1854 г. Евстигней Андреева с семьей перевели в разряд крестьян.

О самом Матвее Андрееве нам практически ничего не известно, и единственным источником сведений о нем является созданный им документ, из которого мы узнаем, что у него были сложные отношения с матерью, он даже судился с ней, но чем закончилось дело – неизвестно. Умерла она 4 июня 1875 г. «от горячки», о чем имеется соответствующая запись в метрической книге Покровской церкви Александровского завода. Отца Матвея к тому времени уже не было в живых. Из Дневника мы узнаем, что его сестра жила «за шестьдесят верст», а «брат Ванька» в 1874 г. хотел жениться. Отношения Матвея с братом, как и с матерью, складывались непросто. В Дневнике, в частности, есть запись о том, что Иван просил у Матвея 50 копеек, но получил отказ. При этом буквально через несколько дней Матвей совершенно спокойно отдал 10 копеек незнакомому человеку – рабочему, который нанимался на работу в имение. 22 октября 1872 г. в Дневнике была оставлена запись: «Матв[ей] женился под вечер», оказалось, что это он так написал про себя. Метрическая книга Покровской церкви Александровского завода позволила установить, что в жены Матвей взял Прасковью Петровну Тетюшеву, которая происходила из семьи бывших крепостных и была моложе супруга на 10 лет [ГАСО, л. 157 об.]. Судя по записям, даже после женитьбы Матвей продолжал жить в господском доме и с молодой женой виделся, вероятно, редко. Характерно, что в Дневнике о ней он ничего не написал, только упомянул несколько раз, перечисляя участников праздничных гуляний, ничего не писал Матвей и о своих детях, хотя о пополнении в других семействах имения он, как правило, сообщал.

Из Дневника мы узнаем о том, что Матвей имел хозяйство. Так, 1 октября 1873 г. он ходил на рынок и «купил себе лошадь с жеребенком, заплатил 28 рублей серебром», а 3 ноября 1873 г. приобрел за 16 рублей корову, от которой отказался барин. Когда Матвей занимался своим хозяйством, не совсем понятно, так как, согласно Дневнику, за три с половиной года он покидал господский дом только дважды, да и то по болезни. При этом барин Владимир Платонович даже навещил больного однажды. Не удивительно, что дом Голубцовых М. Андреев

считал «своим», что подтверждают записи в Дневнике: «Были гости у нас: новый мировой, стряпчий Сведомский и мировой Козлов», «*Наши* выехали пахать», «Нарочный был из Ачита [передал], что губернатор выехал поутру и буд[ет] в Красноуфимске и у нас». Под «нашими» он понимал прежде всего семейство Голубцовых и себя как его неотъемлемую часть.

Круг обязанностей Матвея Андреева был чрезвычайно широк: он следил за порядком в доме и отвечал за сохранность барских вещей, оставаясь один, «сторожил» дом, топил печи, вставлял зимние рамы, встречал гостей, накрывал стол и прислуживал за ним, мог варить барину кофе по утрам, вытрясал одежду, хранившуюся в сундуках, чистил барское платье и обувь... Иногда он выдавал жалованье работникам, принимал зерно на складе, отвозил и сдавал на продажу производимые в имении продукты, закупал провизию. Матвею доверяли даже осуществление денежных платежей, зная, что он очень трепетно относится ко всему господскому и экономно расходует деньги. Так, 24 марта 1875 г. Матвей в очередной раз был послан в Пермь, вот как он по возвращении описывает исполнение баринова поручения:

...Я дожидал стекло до 10 часов, а в 10 часов написал телеграмму по приказанию баринову, спросить о Митюхляеве, что выехал ли он, не раздумал ли ехать? Обошел снача[ла] гостиницы, потом послал телеграмму с ответом. Прихожу с телеграфа, Митюхляев тут. Я так и ахнул, что 2 рубля мои, т. е. бариновы, пропали. Пошел, сдал стекло. Слава богу, благополучно. И я был в большом восторге, что я сдавал стекло не Павлу Николаевичу, а в лавку како[го]-то Толкушкина. Там сей Толкушкин принимал стекло, даже и не раскубировал ящиков. Я, значит, со своей стороны всевозможные похвалы стеклу придаю и вижу, что я купца переодолел, и он сознался, что стекло наше хорошее... Потом я послал телеграмму Бобров[у], чтобы он в Кунгур выезжал за глиной, а сам я решился выехать 25 числа, утром и выехал [ГАСО, л. 139 об.].

Жители имения через Матвея обращались к Голубцовым за медицинской помощью, и часто он лично относил больным лекарства, следил за их приемом. А 27 января 1875 г.:

Барин меня отправили в 10 часов к доктору, насчет совета о плече. Доктор спал. Я $\frac{3}{4}$ часа ждал его. Он проснулся. Я спросил совета. [Он] написал рецепт. Я получил лекарство. Заехал в съезд, посмотреть, переходят ли или нет, к Сведомскому, сказать о случившемся. Приезжаю домой, барин совершенно здоровы и рады были случаю, чтобы отделаться от именин Сведомского, а в тот день как быть нужно было барину ехать в город к Сведомскому на бал [ГАСО, л. 125 об.].

Также Матвею доводилось заменять садовника: поливал цветы на клумбах, занимался прополкой, 8 и 9 декабря 1874 г. «тепличку то-

пил», потому что «сад[овник] пьяный дома леж[ал]». В мае 1873 г. во время эпидемии чумы рогатого скота Матвей Андреев вместе с ветеринаром и скотниками лечил скот, причем достаточно грамотно и умело: делал примочки, пускал кровь, поил коров растворами («Меня послали в Арыково к Бергеру помочь телятам лекарство давать», – указал Матвей в Дневнике). Являясь, по сути, связующим звеном между владельцами и бывшими крепостными, Матвей, безусловно, был в курсе всех дел и событий, происходивших в имении. При всем при том круг обязанностей Матвея замыкался главным образом на господском доме. Источник подсказывает, что основным или любимым занятием Матвея являлась организация барского стола. По крайней мере ничему в Дневнике не уделено столько внимания, как подаче пищи, перемене блюд и их ассортименту. Так, 15 июля 1875 г. из города Красноуфимска приехали 16 человек поздравить барина Владимира Платоновича Голубцова с именинами: «Закусывали на балконе, – отмечал Матвей, – обедали в 4 час[а] в зале: суп патаньер из спаржи, пирожки 3 сорта, розбив, маинес из рыбы, цыплята жареные, салат, огурцы малосольные и свежие, нарезанные ломтиками, пирожное, мороженое 2 сорта, сливочное и земляничное. Кушанье все было приготовлено во вкусе. После обеда кофе и чай и опять чай» [ГАСО, л. 157 об.].

В торжественных случаях Матвея даже приглашали служить за столом в других домах. Так, он подавал закуски великому князю Алексею Александровичу, останавливавшемуся 9 июля 1873 г. на почтовой станции Ачит. Вот как он описывает эту встречу:

...И в 10 часов приехал князь Алексей Александр[ович], вымылся. Самовар был поставлен на стол. Кофе заварил его человек, а чай заварил я. И князь сам наливал кофе и чай, и губернатор с ним же пил, и адъютант. Потом князь скушал несколько печений кондитерских. После этого скушал бутерброд. После этого скушал земляники ягод 10, хвалил, с мелким сахаром. Потом еще несколько генералов приехало, и все пили кофе и чай, закусывали бутербродами, ягоды кушали. Князь рас[с]матривал посуду. Спрашивал губернатора: «Это чья такая посуда должна быть?» Губерн[атор] сказал, что наша посуда. Одним словом, он остался доволен всем приемом и пробыл час. Потом уехал. Без него два экипажа отправились. Козьме Лаврентьевичу за хлеб-соль – 15 руб., смотрителю – 15 рублей, нам четверым по 5 рублей. И так мы отлично отправили его. После всех мне Себякин передает благодарение князя барину за обстановку стола и всего съестного кушанья. И дядька сказал, что очень жалко, что не получил наш доктор телеграмму, которую г. Голубцов посылал насчет болезни его супруги и теперичи адъютант только что узнал, что на здешней станции их поместье, погнал догонять доктора, чтобы вернуть к нам сюда, а то думали, что мы живем за Пермью. Оттого доктор так далеко и не поехал. А когда князь выходил со станции, у подъезда стояли с прошениями Степан Сычов, Василий

Полюхов, гайнинский татарин и еще какой-то крестьянин. Было четыре прошения. А ран[ь]ше князя поехал Михайлов, чтобы в Ключах завтрак приказать приготовить, на Быковской станции лошадь загнал ачитского ямщика. После уезда всех обступили стол княжеский красноуфимские: протопоп, протопопица с дочерью, Елена Петровна с детьми, Чирвинчиха с четырьмя детьми, этапного начальника жена с сыном, Юмашев, жена Людмила Андр[еевна] с троими детьми, мальчиками, и четвертой дочерью, учительница, Сорокина мальчик. Все разглядывали. Я подошел и всех поподчевал кондитерским печеньем, а остальное убрал со стола. Бисквитный пирог, торт – это было непочато. Становиха спросила ягоды, я отдал. И начали складываться в ящики посуду. Уложили, пообедали, лошадей за нами еще все нет. Мы легли спать было, мне не спится. Ушел. У зрителя просил лошадей под посуду, два экипажа. А когда Великий князь кофе кушал, я замечал, что будет кушать: печенья взял 2 штучки, скушал. В 3 часа лошади наши пришли, уложились и поехали... [ГАСО, л. 22–23].

Мы не знаем точно названия его должности, а круг выявленных нами обязанностей не позволяет с уверенностью сказать, какая роль ему отводилась во внутренней субординации барского дома, именно поэтому в названии опубликованного нами Дневника он был именован «слугою», человеком, который прислуживал помещику.

О том, что Матвей Андреев вел дневниковые записи, Голубцовы, бесспорно, знали. Мало того, именно они инициировали его появление. Мы даже можем утверждать, что Матвей Андреев, ведя записи, выполнял одно из распоряжений барина Владимира Платоновича Голубцова, возможно, они воспринимали Дневник как некую семейную хронику. Матвей выполнял это поручение помещика так же ответственно, как и любое другое. Ведение Дневника стало частью жизни М. Андреева, занимало его мысли и время. Дневник велся не для личных целей, это объясняет, почему текст писался от третьего лица и почему, когда в самом начале автор сбивался на «я», он зачеркивал местоимение и дописывал свое имя «Матвей».

Евгений Неклюдов: Хотелось бы поднять вопрос о «главном герое» Дневника и связанной с этим правомерностью причисления записей к так называемым «эго-документам», к которым относят источники, наиболее полно отражающие личность автора. Если это слуга Матвей Андреев, то почему публикация названа «Повседневная жизнь провинциального имения»? Если это «провинциальное имение», то почему источник характеризуется как эго-документ?

Марина Ларионова: Согласна с тем, что одной из дискуссионных проблем исследования данного документа является вопрос о том, кто же все-таки главный герой Дневника – барин, о жизни которого фактически и повествует данный источник, или все-таки автор,

человек, который создал данную рукопись, поскольку принято считать, что источники личного происхождения – это документы, повествующие прежде всего об их творцах. Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным. С одной стороны, автор повествует о барине, о том, что происходило в усадьбе и имении, причем его записи отличаются сухостью изложения – перед нами хроника того, что происходило у Голубцовых. С этой точки зрения данный источник является основным для изучения повседневной жизни провинциального имения, именно с этих позиций я всегда рассматривала данный документ и именно поэтому под таким названием подготовила Дневник к публикации.

Но вместе с тем необходимо учитывать, что жизнь имения предстает такой, какой ее видел человек, который находился сам в центре событий, играя при этом второстепенную, неглавную роль, человек, не принадлежавший к высшему сословию и лишь частично впитавший отдельные элементы дворянской культуры. Его восприятие событий не совпадало с восприятием событий хозяина дома и членов его семейства. Но его незримое «Я» присутствует на страницах документа: именно Матвей самостоятельно отбирал, что и как изложить на бумаге, тем самым проявлялось субъективное восприятие реальной действительности. И здесь уже выражается талант человека, создавшего этот документ. Рассказывая о жизни уральского имения Голубцовых, Матвей Андреев, рассказывал в том числе и о себе. Особенно психология автора проявляется во второй части документа, когда Матвей переходит к пересказу событий, преимущественно на уровне слухов, которые происходили где-то и о которых говорила вся губерния, что выдает в нем типичного представителя традиционной культуры. Так, 25 января 1875 г. Матвей заносит в Дневник запись о том, что он «слышал в городе, что Мостовской волости татарина с[ъ]ели волки и костей не нашли. И в волостном правлении со двора увела свинью волкиша. И будто бы куда-то приехали из Екатеринбурга, ищут, 12 человек людей пропало, оборочены в волко[в]» [ГАСО, л. 124].

А потому Дневник слуги помещиков Голубцовых мы с полным правом можем отнести к источникам личного происхождения, или эго-документам, позволяющим воссоздать историю Урала от первого лица.

Евгений Неклюдов: С точки зрения возможностей использования важным представляется вопрос о репрезентативности источника, а также о том, какую новую информацию он предоставляет исследователям. Особенно хотелось бы узнать у автора публикации как специалиста по провинциальной дворянской культуре, что нового или удивившего ее отразилось в Дневнике и не встречается в иных исторических источниках. Не известно ли Вам также, сохранилось ли имение Голубцовых, описанное в источнике?

Марина Ларионова: Подобного рода документы редки для Уральского региона, поэтому опубликованный нами источник имеет ценность не только в силу важности и редкости подобного рода документов, но и еще и потому, что он позволяет исследователям изучать неизвестные ранее страницы из истории не только жизни имения Голубцовых (а это новое актуальное направление в исследовании истории Пермского края), но и уездного города Красноуфимска, губернского города Перми и в целом Пермской губернии, а также иные актуальные и проблемные темы, исследование которых на уральском материале было затруднено в силу отсутствия источниковедческой базы. Например: состав и особенности деятельности уездного светского общества или социальный состав и социокультурный портрет чиновников Пермской губернии и уральского дворянства.

Тема повседневной жизни российского провинциального среднепоместного дворянства, несмотря на свою актуальность, остается малоизученной и в российских масштабах, в том числе и в силу скудости источниковедческой базы, данный же Дневник отчасти заполняет образовавшуюся лакуну и ценен, поскольку упоминаемые на его страницах Голубцовы являлись типичным провинциальным дворянским семейством. В связи с этим страницы Дневника открывают широкое исследовательское поле: мы можем использовать Дневник как исторический источник для исследования провинциальной дворянской усадебной культуры, взаимоотношений внутри дворянского семейства, между помещиком и членами его семьи, помещиком и крестьянами, помещиком и священнослужителями, помещиком и представителями уездного общества, помещиком и прислугой, наконец, для изучения жизни помещиков в имении: что они делали каждый день в разное время года, во сколько вставали, завтракали, обедали, ужинали, ложились спать, как часто пили чай и что у них было за столом в праздники и будни, кто приезжал в усадьбу, как и как часто принимали гостей и пр. Дневник содержит отсутствующие в других источниках малозначимые детали, при сопоставлении которых на протяжении длительного периода вырисовывается реальная картина повседневного существования помещика средней руки, которым и был упоминаемый на каждой странице Дневника барин Владимир Платонович Голубцов.

Следует признать, что наши представления о бытовом укладе дореволюционной России мы черпаем преимущественно из художественной литературы (начиная от пушкинского описания жизни в деревне помещиков Лариных до имения Раневской в пьесе А. П. Чехова), в которой авторы, как представители высшего сословия, описывают среду, в которой они сами живут, чутко улавливая те изменения, которые происходят в российском обществе, заостряя внимание читателя на наиболее проблемных сюжетах. Характерные особенности повседневного существования провинциальных помещиков, такие как гостеприимство, традиция чаепития, русская охота, четко про-

слеживаются в литературных произведениях и интересно представлены в Дневнике.

Вместе с тем данный Дневник корректирует литературное представление о барском образе жизни в пореформенный период: перед нами образ помещика-хозяина, предпринимателя, чье ежедневное существование составляли бесконечные хлопоты по хозяйству, решение многочисленных проблем управления имением, введение различных инноваций для увеличения его доходности, разрешение спорных ситуаций, создаваемых бывшими крепостными, жителями имения.

Если говорить о репрезентативности источника, то представляется, что относительно указанных событий Дневник обладает высоким уровнем достоверности: во-первых, ежедневное ведение дневниковых записей уже само по себе повышает достоверность описываемого, во-вторых, для Дневника характерно большое количество дописанных слов и предложений, что может являться свидетельством того, что записи вносились не каждый день и по прошествии какого-то времени их автор вспоминал, что забыл перечислить, и дописывал, тогда как сам характер записей, даже если автор неправильно привязал их к дате, не свидетельствует о допущенных неточностях – это, как правило, мелкие штрихи к происходившему, ценность здесь имеет сама регулярность происходящего. И, наконец, в-третьих, описываемые в Дневнике события подтверждаются и дополняются сведениями из других источников, в частности метрическими книгами и опубликованными материалами земских органов самоуправления, а это уже само по себе повышает ценность этого исторического документа.

А вот полноту документа мы можем поставить под сомнение, особенно в сюжетах, связанных с действиями автора Дневника, его отношением к происходящему и лично к семье помещика: личностные оценки отсутствуют в документе. Вероятно, Матвей Андреев понимал, что записи будут прочитываться барином, отсюда и скупость изложения информации о себе, о своей семье и неполнота указанных сведений.

Людмила Дашкевич: Давайте обратим внимание на то, что текст обретает в Дневнике определенную форму и содержательное единство. От чего всегда отталкивается автор? Обязательное описание погоды, осадков, температуры, продолжительности дня. Неплохое образное упоминание природы, особенно запись о распустившихся деревьях («В саду и на горе березки зазеленелись, – писал Матвей, – начинает природа себя копировать»), получении урожая. То есть человек погружается в природу, ее состояние для него гораздо важнее своего собственного. Это, конечно, не формуляр делового документа, но и не вольный текст, подверженный авторской фантазии. Причем наблюдения за погодой составляют очень существенную часть интересов человека. Он еще сам себе метеоролог, ищет свои приметы ее изменения и использует пласт народных знаний. Так, например, во вторник 25 апреля 1872 г. практически все записи были посвящены погоде:

Ночь на вторник была дождливая и холодная. И по утру до обеда дождь, потом день был [до] остатка теплый. К вечеру гром и дождь небольшой и 9 град[усов] т[епла]. Наши выехали пахать. К барину приходили мужики шиловские, подтитешные и обуховские насчет выгонов и лугов сенокосных. Господа после завтрака ходили на пруд и в лес и принесли двух дроздов. А в 10 часов была гроза сильная и два ливня. И ран[ь]ше было 3 грозы до 25 числа. 7 гр[адусов] тепла [ТАСО, л. 1].

Марина Ларионова: Да, действительно, дневниковые записи Матвея Андреева имеют особенные черты: начинаются и заканчиваются описанием погоды, отличаются точным указанием времени происходивших событий, производят впечатление сухой хроники того, что было в усадьбе Голубцовых, не содержат авторскую оценку происходившего, а только перечисление или описание. Думается, что представление о жестких канонах того, что должны представлять из себя дневниковые записи, было получено Матвеем от Голубцовых.

Евгений Неклюдов: Ведение дневников-хроник получило довольно широкое распространение в XIX в. Оно практиковалось даже среди членов императорского дома. Ввел это правило наставник великого князя Александра Николаевича В. А. Жуковский как элемент воспитания некоторых качеств, важных для царствующей особы. Такие дневники отличаются от интимных дневников, в которых фиксируются не столько события дня, сколько впечатления и размышления автора. Полагаю, что происхождение Матвея Андреева из народной среды, уровень его образования и духовных потребностей не давали повода для саморефлексии в виде дневниковых записей. А для инициатора Дневника – «барина» Владимира Платоновича – важнее было знать не чувства своего слуги, а то, что происходило в его имении, особенно во время частых отлучек хозяина. Хозяин же, судя по Дневнику, Голубцов был неплохой: во время своего пребывания в имении он обязательно посещал действовавшие там стекольный завод или мельницу, чтобы проконтролировать их работу. В этом ракурсе Дневник предоставляет некоторую информацию и об экономике дворянского имения пореформенного времени, и о роли помещика. Дневник, на мой взгляд, можно даже рассматривать как своеобразный элемент управления имением, почему он и сохранился среди вотчинной документации, а не в личных бумагах автора.

Судя по всему, до нас дошли лишь фрагменты Дневника, но и это можно считать большой удачей для историков, поскольку сохранность дневниковых записей вообще невысокая. За последнее время появилось несколько любопытных публикаций дневников учителя, священника, купца [Дневник священника; Новоселов; Мироносицкий; Соболева]. Дневник же слуги просто уникален.

Ирина Шалина: Дневник слуги уральских помещиков Голубцовых Матвея Андреева представляет несомненный интерес для лингвиста, занимающегося изучением живой разговорной речи и повседневными устными и письменными коммуникативными практиками. Отечественная русистика обратила внимание на подобные «берестяные грамоты XX века» – бытовые документы, письма и дневники обычных людей – в связи с усилением личностного, диалогического начала в речевой коммуникации. В частности, опубликованные в 1996 г. записки Е. Г. Киселевой, полуграмотной женщины с непростой судьбой, дали импульс к изучению социокультурных и собственно лингвистических проблем «наивного письма», документа «внеписьменной культуры, написанного тем не менее представителем самой этой культуры, а не сторонним наблюдателем» [Козлова, Сандомирская, с. 13]. Примерно в это же время выходят и другие подобные аутентичные тексты: дневниковые записи домработницы Ираиды Николаевны Целиковой (1903–1986), а также подготовленные к изданию и прокомментированные лингвистом Б. И. Осиповым автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова и воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь». В хрестоматию «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы» [Живая речь] также включены письма простых людей во властные структуры и дневниковые записи крестьянина Андрея Ивановича Барнякова [см.: Автобиографические записки; Воспоминания работницы; Черняк; Шалина]. Все эти тексты, в том числе и Дневник слуги помещиков Голубцовых, являются примерами реальной бесхитростной речи, ценными свидетельствами среза жизни, быта, культуры людей, входящих в определенные социокультурные общности.

Что вызывает лингвистический интерес в записях Матвея Андреева? Во-первых, язык. Этого человека можно отнести к носителям просторечной культуры. Его речевая манера – иллюстрация особенностей языковой ситуации XIX в., которую В. В. Виноградов охарактеризовал так: «Просторечие трудно отделить от “простонародного” языка, объединившего речевые навыки крестьян, в том числе и дворян, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще всех демократических слоев населения, не тронутого литературным образованием» [Виноградов, с. 429]. Действительно, судя по тексту, язык Матвея Андреева – это «пестрая смесь» слов и выражений из разных «социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» [Там же, с. 424]. Например, Матвей Андреев использует выражения, которые явно употреблялись в то время в деловых практиках (*охлопотать дело*) или стилизует деловую манеру письма (*делать на разные лица нападения*). Слуга тиражирует «ходовые» номинации семейного дворянского общения (*няненька*), цитирует Псалтирь (*напился до «зело рыках»* – Пс. 57:9) (возможно, в целях создания шутливой тональности речи) или использует коммуникативы типа *слава Богу*, что свидетельствует о нем как о носителе православного сознания, человеке, знакомом с текста-

ми Священного Писания и наверняка посещающем церковные службы. Приведенные примеры лишь вкрапливаются, инкрустируются в письменные текстовые фрагменты, в то время как жаргонными, диалектными и просторечными языковыми элементами речь этого человека буквально пересыпана, например: *напыжить, сделаться без языка, Ольга стряпка, Андрияниха, мировиха, становиха, оттудова, откудова, катушка* ('ледяная горка'), *поднести чекушу* ('ударить в голову'), *лапа* ('нога'), *ночь, дровни* и т. п. Таким образом, перед нами предстает типичная языковая личность носителя просторечия, усваивающая и тиражирующая не только привычные для его среды обитания языковые элементы, но и по-своему перерабатывающая престижные элементы среды притяжения. Многие языковые элементы позволяют проследить разноуровневые отклонения от языковых норм, в том числе орфографических и пунктуационных, например: *стоял, на столе облокотившись локтями, его не струсили* и т. п., а также осмыслить типичные ошибки и причины их появления и проследить степень закреплённости их в речи современных носителей уральского просторечия. В целом можно сказать, что более глубокий лингвистический анализ этих записей позволит поставить и решить проблему речевого портретирования мещанина/слуги.

Во-вторых, мы имеем дело с меморатным нарративным жанром: человек старательно фиксировал и описывал все, что происходило в его жизни и жизни дворянской семьи. Текст интересен в плане психического отражения прошлого взаимодействия человека с действительностью, работы его ассоциативной памяти, способности хранить информацию, избирательно ее актуализировать и воспроизводить в определенном порядке.

Людмила Дашкевич: Проблема состоит в том, что этот документ – своего рода медиум, связующее звено двух миров: мира слуг и мира помещиков. Но он же демонстрирует и ту мало изученную нами связь, которая существовала между мирами и связывала их в единое целое. Могли ли они существовать друг без друга? По крайней мере на идеологическом уровне (вспомним Екатерину II и ее «Размышления...») они должны были, дополняя друг друга, утопически формировать идеальную модель патриархальной России. Голубцовы были довольно прогрессивными, образованными и весьма деятельными помещиками. Их слуги, как они описываются в сочинении, были действительно преданны своему барину, и жизнь барина была для них как большая часть собственной жизни. И данный текст как будто бы это подтверждает. Это была давняя традиция, когда за молодого барина отвечал старый слуга, и не только в армии или на войне, но и в других жизненных ситуациях. Идеальны отношения Савельича и Петруши. Интересно, что современное английское кино вдруг создает целый сериал с блистательными актерами «Дживс и Вустер», где гениальный слуга постоянно спасает придурковатого, хотя и доброго хозяина. Правда, события

отнесены к 20–30 гг. XX в. Разница только в том, что у англичан слуги, наблюдая за хозяевами, имеют свои клубы, свои интересы, свою иронию. Но что замечено англичанами, аристократия не склонна ощущать свою интеллектуальную тупость, хотя похваливает мудрость слуг.

Но вот насколько возможны были человеческие, внесословные отношения в русской среде? Желание сохранить сословную идентичность скрепляло государственную систему и мешало реальному развитию общества. Потому что в дневнике нет ни одного свидетельства интереса помещиков к событиям из жизни своих слуг (уже вроде бы не крепостных) и какого-то участия в их судьбах. Эта скрытая бесчеловечность не была ли причиной того, что так жестко люди противостояли друг другу, перенося сословные ограничения в личную ненависть?

Марина Ларионова: Мы должны учитывать российскую действительность и то влияние, которое оказало крепостное право на формирование мировоззрения русского человека.

Нет в российской истории сюжетов, когда бы умный слуга был при тупом барине. Если бы это было в действительности, обязательно бы сохранились свидетельства об этом. Взаимоотношения Матвея Андреева и Владимира Голубцова напоминают отношения Савельича и Петруши. Хорошие отношения и полное взаимопонимание господствующего сословия и зависимого возможны из-за особого отношения крепостных к помещикам, которых, как выясняется, почитали, любили и боготворили. Причем такое отношение было к помещику и у отца, и у деда Матвея Андреева. Эту особую ментальность крепостного человека невозможно за десятилетие после отмены крепостного права изменить. Традиции, которые сформировались в крепостной период (праздники, свадьбы с обязательным посещением господского двора), продолжали существовать и в 1870-е гг.

Да, действительно, нет в тексте свидетельств о заинтересованности помещика жизнью своих бывших крепостных, но текст Дневника показывает, что бывшие крепостные, в случае возникновения у них каких-либо проблем, шли за их разрешением к помещику. Происходило ли это по привычке, срабатывала ли психология бывшего крепостного человека или свойство конкретной личности – в Дневнике не оговаривается. Владимир Платонович старался не отказывать в помощи, помогал, если это было возможно.

Ну и, наконец, последнее. Я всегда смотрела на данный Дневник как на источник для изучения повседневной жизни провинциального помещичьего имения, эта тема лежит на поверхности, но для глубокого и серьезного изучения всех информационных возможностей данного документа необходимо использовать междисциплинарный подход и привлекать специалистов из смежных областей. Думаю, что исследователи найдут в этом источнике сведения для изучения самых разных тем, все будет зависеть от тех задач, которые они поставят, работая с этим документом.

Список литературы

- Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1995.
- Артемова О. Е. Дневник слуги помещиков Голубцовых (Красноуфимский уезд Пермской губернии, вторая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 396–405.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. : Наука, 2000.
- Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь» / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1997.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. 67. Оп. 1. Д. 69.
- Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере Пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004. 248 с.
- Дневник священника / подгот. публ. : В. И. Байдин, С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич, М. Ю. Нечаева // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 114–143.
- «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы» : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011.
- Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино» : «Наивное письмо» : опыт лингво-социологического чтения. М. : Гнозис : Русское феноменологическое общество, 1996.
- Ларионова М. Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX века) : дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2006. 391 с.
- Мироносицкий П. П. Дневник учителя церковно-приходской школы. СПб., 1901. 231 с.
- Новоселов А. Е. Памятная А. Е. Новоселова : Дневник дмитровского купца. М., 2013. 157 с.
- Пирогова Е. П. История родовой библиотеки Уральских помещиков Голубцовых // Книжные собрания российской провинции. Екатеринбург, 1994. С. 211–242.
- Плецева Г. И. О гнезде соловья, перчатках перлового цвета, вишневом варенье... Из дневника слуги // Родина. 1997. № 5. С. 60–66.
- Романчук А. И. Находки из раскопок городов Северного Причерноморья в коллекции Голубцовых // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 321–328.
- Соболева Л. С. Лирический дневник Наркиса Матвеевича Мамина // Творчество Д. Н. Мамина в контексте русской литературы : мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4–5 ноября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 94–112.
- Черняк В. Д. наброски к лексическому портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2. С. 115–130.
- Шалина И. В. Диалогические и монологические тексты: электронная база данных (на материале уральского городского просторечия) [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2012. 360 с. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>

References

- Artemova, O. E. (2001). Dnevnik slugi pomeshnikov Golubczovy'h (Krasnoufimskij uезд Permskoj gubernii, vtoraya polovina XIX v.) [Diary of the serf of the landlords Golubtsov (Krasnoufimsky uyezd, Perm province, 2nd half of the 19th century)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 7, 396–405.
- Bajdin, V. I., Golikova, S. V., Dashkevich, L. A. & Nechaeva, M. Yu. (Eds.). (1995). Dnevnik svyazshennika [Diary of a priest]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2, 114–143.
- Chernyak, V. D. (1994). Nabroski k leksicheskomu portretu marginal'noj yazy'kovoj lichnosti [Outlines of a lexical portrait of a marginal linguistic identity]. *Russkij tekst*, 2, 115–130.
- Golohvasova, N. V. (2004). *Krepostnye sluzhashhie v sisteme upravleniya Ural'skogo gornozavodskogo imeniya v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. (na primere Permskih votchin Stroganovy'h)* [Serf employees in the management of a Ural mining and metallurgical estate at the end of the 18th – 1st half of the 19th century (with Reference to Perm estates of the Stroganovs)]. Perm.

Kozlova, N. N. & Sandomirskaya, I. I. (1996). «Ya tak hochu nazvat' kino»: «Naivnoe pis'mo»: opyt lingvo-sociologicheskogo chteniya [“This is how I want to name the film”: ‘Naive writing’: an experience of linguistic and sociological reading]. Moscow.

Larionova, M. B. (2006). *Dvoryanskaya usad'ba na Srednem Urale (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Noblemen's estates in the Middle Urals (2nd half of the 18th – early 20th century)]. (Dissertation). Yekaterinburg.

Mironosiczkiy, P. P. (1901). *Dnevnik uchitelya cerkovno-prihodskoj shkoly'* [Diary of parish school teacher]. Saint Petersburg.

Novoselov, A. E. (2013). *Pamyatnaya A. E. Novoselova: Dnevnik dmitrovskogo kupca* [Pamyatnaya A. E. Novoselova: A dairy of a merchant from Dmitrov]. Moscow.

Osipov, B. I. (Ed., foreword, comment.). (1995). *Avtobiograficheskie zapiski sibirskogo krest'yanina V. A. Plotnikova* [Autobiographical notes of the Siberian peasant V. A. Plotnikov]. Omsk.

Osipov, B. I. (Ed., foreword, comment.). (1997). *Vospominaniya rabotniczy' M. N. Koltakovej «Kak ya prozhila zhizn'»* [Worker M. N. Koltakova's memories “How I lived my life”]. Omsk.

Pirogova, E. P. (1994). Istoriya rodovoj biblioteki ural'skih pomeschikov Golubczovy'h [History of a family library of the Ural landlords Golubtsov]. In *Knizhnye sobraniya rossijskoj provincii* (pp. 211–242). Yekaterinburg.

Pleshheva, G. I. (1997). O gnezde solov'ya, perchatkah perlovogo czveta, vishnevom varen'e... Iz dnevnika slugi [On a nightingale's nest, perl-colored gloves, and cherry jam... From the diary of a servant]. *Rodina*, 5, 60–66.

Romanchuk, A. I. (2010). Nahodki iz raskopok gorodov Severnogo Prichernomor'ya v kollekcii Golubczovy'h [The Golubtsovs' collection of finds from an archeological site in the Northern Black Sea cities]. In *Document. Archive. History. Modernity: proceedings*. (Iss. 11, pp. 321–328). Yekaterinburg.

Shalina, I. V. (2012). Dialogicheskie i monologicheskie teksty': e'lektronnaya baza dannyy'h (na materiale ural'skogo gorodskogo prostorechiya) [Dialogic and monologic texts: an electronic database (based on the Ural urban vernacular)]. Retrieved from: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>.

Shalina, I. V. (Comp.). (2011). «Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustny'e dialogi i e'pistolarnyye obrazczy'»: *hrestomatiya* [Speech of Ural cities: oral dialogs and epistolary sources: reading book]. Yekaterinburg.

Soboleva, L. S. (2002). Liricheskij dnevnik Narkisa Matveevicha Mamina [Lyrical dairy of Narkis Matveevich Mamin]. In *Tvorchestvo D. N. Mamina v kontekste russkoj literatury': materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 94–112). Yekaterinburg.

Vinogradov, V. V. (2000). *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The language of Pushkin. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow: Nauka.

The article was submitted on 03.03.2015

Людмила Александровна Дашкевич,
д. и. н.,
главный научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
ldash54@mail.ru

Lyudmila Dashkevich, Dr.,
Senior Researcher,
Institute of History and
Archeology of the Ural
branch of Russian Academy
of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ldash54@mail.ru

Марина Бариевна Ларионова,
к. и. н.,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет,
Екатеринбург, Россия
marin.lar@mail.ru

Marina Larionova, Dr.,
Russian State Professional and
Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia
marin.lar@mail.ru

Евгений Георгиевич Неклюдов,
д. и. н., главный научный
сотрудник Института истории и
археологии Уральского
отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
ntplant9@mail.ru

Yevgeniy Neklyudov, Dr.,
Senior Researcher, Institute of
History and Archeology of
the Ural branch of Russian
Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ntplant9@mail.ru

Ирина Владимировна Шалина,
д. филол. н.,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
irina_shalina@mail.ru

Irina Shalina, Dr.,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
irina_shalina@mail.ru